

Научная статья
УДК 94(47).082
DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.002

«Питомнический промысел» и жизнь воспитанников Санкт-Петербургского воспитательного дома в деревнях Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX века ¹

Светлана Валентиновна Зайцева ¹, Станислав Вячеславович Степанов ²

^{1,2} Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Пушкин,
Санкт-Петербург, Россия

¹ svlanaz@yandex.ru, ² kptloorg@yandex.ru

Аннотация. В статье дается краткая характеристика питомнического промысла, развивавшегося на территории Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX века, а также его влияние на жизнь крестьянского населения западных уездов столичной губернии. В ходе исследования проанализирована государственная политика в отношении крестьянских семей, занимающихся воспитанием детей из петербургских сиротских учреждений, выявлены правовые механизмы, закрепленные на законодательном уровне передачи детей-сирот сельским жителям. Предпринята попытка на основе сохранившихся документов, воспоминаний современников и земской публицистики представить элементы повседневности (в том числе домашней жизни) питомцев грудного и более старшего, подросткового возраста, отношение к ним их воспитателей и кормилиц. Особое внимание уделено анализу публикаций в первой земской газете России «Гдовско-Ямбургский листок», касающихся проблем положения сирот в Санкт-Петербургском учебном округе. В делопроизводственных документах, заметках и статьях представителей общественности дана преимущественно отрицательная оценка деятельности воспитательного дома, в том числе раздачи питомцев по деревням, что во многом обуславливалось необходимостью реорганизации данных учреждений и форм их работы.

Ключевые слова: воспитательный дом, «Гдовско-Ямбургский листок», история детства, питомцы, питомнический промысел, Санкт-Петербургская губерния.

Для цитирования: Зайцева С. В., Степанов С. В. «Питомнический промысел» и жизнь воспитанников Санкт-Петербургского воспитательного дома в деревнях Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 20–26. DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.002](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.002).

Original article

“The Foundling Trade” and the Life of the Fosterlings of the St. Petersburg Foster Home in the Villages of the St. Petersburg Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries

Svetlana V. Zaytseva ¹, Stanislav V. Stepanov ²

^{1,2} Leningrad State University named for A. S. Pushkin, Pushkin, St. Petersburg, Russia

¹ svlanaz@yandex.ru, ² kptloorg@yandex.ru

Abstract. The article gives a brief description of the foundling trade that developed on the territory of the St. Petersburg province in the second half of the 19th — early 20th centuries, as well as its impact on the life of the peasant population in the western districts of the St. Petersburg province. The study analyzes the state policy in relation to peasant families involved in raising children from St. Petersburg orphanages. It identifies legislative mechanisms which enabled the placing of orphans to rural residents. The article analyzes surviving documents, memoirs, and zemstvo journals to discover basic elements of everyday life (including home life) of infants and older adolescents, the attitude of their educators and nurses towards them. The article scrutinizes publications in the Gdovsko-Yamburgsky listok (the Gdovsko-Yamburg Leaflet), the first Russian zemstvo newspaper, discussing orphans’

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421 «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в середине XVIII — начале XX в.».

problems in the St. Petersburg educational district. The analysis of office documents, notes and articles written by members of the public shows that orphanages, whose activities received a predominantly negative assessment, needed dramatic reforms.

Keywords: orphanage, Gdovsko-Yamburg Laflet, childhood, fosterlings, foundling trade, St. Petersburg province.

For citation: Zaytseva S. V., Stepanov S. V. “The Foundling Trade” and the Life of the Fosterlings of the St. Petersburg Foster Home in the Villages of the St. Petersburg Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 4 (77):20–26. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.002.

Введение

Санкт-Петербургский воспитательный дом основан в 1770 году. С первых же лет своего существования учреждение не могло вместить большое количество детей, нуждавшихся в помощи, поэтому практически сразу было принято решение об их размещении в крестьянских семьях близлежащих деревень. Данная практика получила значительное распространение во второй половине XIX — начале XX века в столичной Санкт-Петербургской губернии. Этой проблеме посвящены многочисленные труды почетного профессора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена Т. Г. Фруменковой, кроме того, в последнее время появились работы исследователей С. И. Болдиной, И. В. Черказьяновой и краеведа С. М. Талдыкиной [см.: Фруменкова, 2006, 2009 ; Болдина, 2013, 2014 ; Черказьянова, 2017 ; Талдыкина, 2018]. В данной статье мы рассмотрим механизмы работы государственной системы по воспитанию детей-сирот и на основе статей современников представим особенности жизни питомцев воспитательного дома в крестьянских семьях.

Основная часть

В соответствии с правилами Санкт-Петербургского воспитательного дома, действовавшими во второй половине XIX — начале XX века, принятый ребенок несколько дней находился в грудном отделении (в зависимости от состояния здоровья), затем основная часть питомцев передавалась на вскармливание в деревни, входившие в состав округов воспитательного дома, где дети оставались до совершеннолетия. Опекаемый посещал учебные заведения воспитательного округа, и до достижения им 15-летнего возраста воспитатель получал определенную денежную плату из капитала дома. В период юности ребенок мог быть усыновлен семьей воспитателя либо, после достижения совершеннолетия, покидал семью и записывался в крестьянское или мещанское сословие — в этом случае бывший питомец получал деньги от воспитательного дома. Девочка-питомица исключалась из ведомства воспитательного дома ранее установленного срока после заключения брака [Действующие постановления ... , 1906, с. 73–77].

В практике воспитания младенцев в сельских семьях основными действующими лицами выступали бедные крестьяне, пытавшиеся заработать на уходе за чужими детьми. Несмотря на требование к семье, желающей взять питомца, иметь корову, многие семьи уклонялись от этой обязанности. В итоге, по мнению Н. В. Яблокова, матери-кормилицы отнимались у своих детей, но грудное молоко не заменялось коровьим, из-за чего смертность среди сельских младенцев возрастала [Яблоков, 1896, с. 8]. Данный негативный факт сельской жизни был вызван распространением такого явления, как питомнический промысел, оказавшегося популярной практикой в губерниях, входивших в состав округов воспитательных домов [Мордовцев, 1877, с. 36].

По данным корреспондента первой земской газеты России «Гдовско-Ямбургский листок», в Ямбургском уезде губернии в некоторых поселениях, например, в селе Ильеши, четыре из пяти женщин-рожениц оставляли своих детей неокрепшими и шли в окружной лазарет, где получали билет «на кормление», после чего отправлялись в Петербург за младенцем. Некоторые женщины ухитрились взять несколько билетов, при этом, будучи не в состоянии прокормить детей, отдавали их соседям или знакомым. За кормление женщинам выплачивались «кормовые» и «подорожные» деньги, а от своих помощниц те имели процент «за хлопоты» [Р-ев, 1872, с. 8]. По этой причине государство в виде земских органов столичной губернии пыталось урегулировать процесс передачи питомцев, ограничить их количество на одну семью [Веселовский, 1917, с. 362].

В начале XX века в статистических данных отмечалось, что в Царскосельском, Ямбургском и Петергофском уездах столичной губернии из детского населения всех национальностей и вероисповеданий до 20–30 % являлись питомцами воспитательного дома, отданными в крестьянские семьи на вскармливание, а в некоторых населенных пунктах количество питомцев достигало 40 %. В подтверждение этого волосовский краевед С. М. Талдыкина приводит данные земской статистики о количественном соотношении питомцев воспитательного дома на сельскую семью в Ямбургском уезде на 1882 год:

1) в деревнях:

- Яблоницы (ныне — поселок Курск): на 85 семей приходилось 120 питомцев;
- Неревницы: на 26 семей — 32 питомца;
- Курск (ныне — поселок Курск): на 12 семей — 8 питомцев;
- Брюховицы (ныне — поселок Курск): на 37 семей — 26 питомцев;
- Сумск: на 80 семей — 81 питомец;
- Худачево: на 12 семей — 12 питомцев;
- Морозово: на 40 семей — 60 питомцев;
- Волпи: на 28 семей — 41 питомец;
- Малая Александровка: на 12 семей — 13 питомцев;
- Рагулово: на 12 семей — 8 питомцев;
- Кряково: на 40 семей — 46 питомцев;
- Старые Сырковицы: на 19 семей — 28 питомцев;
- Новые Сырковицы: на 70 семей — 76 питомцев;
- Старые Смолеговицы: на 25 семей — 28 питомцев;
- Остроговицы: на 37 семей — 38 питомцев;

2) в селах:

- Каложицы: на 104 семьи — 51 питомец [Талдыкина, 2018, с. 104–105].

Таким образом, в каждой крестьянской семье Ямбургского уезда к началу 1880 года имелось от одного до двух питомцев, причем значительное по числу население по вероисповеданию придерживалось лютеранства. По мнению петербурговеда С. Е. Глезерова, больше всего детей попадало именно в ингерманландские семьи Санкт-Петербургской губернии, что объясняется тем, что финны-ингерманландцы были более обеспечены материально. Бывшие питомцы, достигнув юности, переходили в лютеранскую веру, что стало массовым после Манифеста 1905 года, когда отменялось положение об обязательном посещении только православных приходов [Глезеров, 2006, с. 132].

Все деревни, куда передавались на воспитание питомцы, входили в состав округов воспитательного дома, количество которых со временем увеличивалось. В 1892 году в ведении дома насчитывался уже 31 округ (на территории Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской губерний), в штате состояли: 1 столичный окружной врач, 8 окружных врачей и 23 окружных надзирателя [Штат округов ... , 1892, с. 1]. Окружной надзиратель исполнял обязанности главного чиновника-распорядителя и контролера в округе. В список его должностных обязанностей входили: контроль за здоровьем питомцев, личный осмотр детей и проверка целостности костяного знака с номером питомца (знак-идентификатор ребенка), ведение учета поступления в округ и передвижения по территории воспитанников, ведение ведомостей (именной и раздаточной) для получения денег [Черказянова, 2017, с. 77]. Именно окружные надзиратели собирали подлинную информацию об условиях и образе жизни воспитанников, нередко сталкиваясь со случаями злоупотреблений и нарушений, ставших причинами осуждения «питомнического промысла» в обществе.

Сведения в отчетах воспитательного дома о повседневной жизни воспитанников в деревнях (в том числе о бытовых условиях) зачастую ограничиваются сухими фактами и цифрами о приеме, смертности, болезнях питомцев, усыновлении их воспитателями или передаче в услужение на заводы и фабрики в подростковом возрасте. Главная задача для грудных питомцев в первые месяцы и даже годы после передачи крестьянам в деревни заключалась практически в одном — выжить. Причина высокой детской смертности, по мнению многих публицистов и врачей, была вызвана, прежде всего, отсутствием или малым количеством молока для кормления грудных детей, поэтому часто в жидкость добавлялись различные суррогаты или же ребенку давалась обтянутая тряпкой корка ржаного хлеба. Журналист первой земской газеты «Гдовско-Ямбургский листок» Н. А. Скроботов в начале 1870-х годов писал, что нередко питомцев брали пожилые женщины, имевшие бедное хозяйство без домашних

животных и потому вскармливавшие детей заменителем — овсяным молоком [Скроботов, 1872, № 36, с. 13].

Высокая заболеваемость обуславливалась в целом антисанитарными и антигигиеническими условиями жизни крестьян, особенно в летнее время, когда малолетних питомцев оставляли дома с чуть более старшими по возрасту детьми и немощными стариками. Н. А. Скроботов отмечал особенно тяжелое положение детей в летний полевой сезон, когда кормилицы покидали их на целый день, уходя на работы в поле и поручая опекаемых оставшимся в деревне нерадивым домочадцам или соседям, «...которые их кормят жеванным хлебом и прокисшим молоком, оставляют лежать на мокром белье и часто, несмотря ни на ветер, ни на дождь, выносят их на двор или на улицу» [Скроботов, 1872, № 39, с. 5–6]. По сведениям журналиста земской газеты, многие сельские избы еще в 1870-е годы топились в зимний период по-черному, кормилицы ставили люльки с детьми на холодный пол, продуваемый из окон во время выпуска дыма из избы. Обращение за медицинской помощью в лазареты воспитательного дома не практиковалось: для этого крестьянке-кормилице необходимо было бросить свое хозяйство и отправиться за несколько верст от своего дома с больным ребенком на неопределенное количество дней. Чтобы исправить эту ситуацию и обеспечить питомцев врачебной помощью, было принято решение выдавать крестьянке, приехавшей в лазарет с больным ребенком, по 6 копеек за версту по пути от дома до лазарета и обратно, а также оплачивать пребывание кормилицы в самом лазарете по 15 копеек в день [Там же, с. 8].

Выводы

Элементы повседневной жизни питомцев старшего детского и подросткового возраста можно восстановить не только по документам воспитательного дома, но также и по воспоминаниям (в том числе самих бывших питомцев, составивших воспоминания уже во взрослом возрасте), заметкам современников, произведениям художественной литературы (В. П. Гречинского, В. Герасимова, А. Гоняева) [см.: Гречинский, 1897 ; Герасимов, 1906 ; Гоняев, 1911].

В делопроизводственных материалах Санкт-Петербургского воспитательного дома неоднократно отмечалось, что дети становились жертвами несчастных случаев в результате пожаров, нападения волков, а также самоубийств и утоплений [см.: ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 124]. Многочисленными были документы о побегах питомцев, которых переводили по разным причинам от одного воспитателя к другому, фиксировались случаи изнасилования девушек-питомиц воспитателями или другими лицами [Там же. Д. 28, 117, 283, 651]. При выяснении причин гибели питомца или обстоятельств происшествия следователь и объезжий надзиратель в первую очередь должны были исключить или подтвердить связь между смертью ребенка/происшествием и бытовыми и морально-нравственными условиями его проживания в семье. Окружной надзиратель описывал состояние одежды воспитанника, особенно теплой в зимнее время, проводил опрос соседей о жизни и содержании ребенка, занимался поиском свидетелей преступлений против детей [Черказьянова, 2017, с. 88].

Несмотря на то, что в воспоминаниях или заметках встречались положительные отзывы о воспитателях и жизни самих питомцев в деревнях, гораздо чаще приводились случаи бесправного положения питомцев и, прежде всего, плохих условий их жизни (как в младенческом, так и в подростковом возрасте), что в очередной раз обращало внимание общественности на проблемы в деятельности воспитательных домов, необходимость их реорганизации и в целом защиты младенчества и детства.

Список источников

1. Бондина С. И. Законодательство Санкт-Петербургского и Московского воспитательных домов в отношении родителей питомцев в первой половине XIX века // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). — 2013. — № 4 (29). — С. 45–50.
2. Бондина С. И. Усыновление питомцев Санкт-Петербургского и Московского воспитательных домов в XIX в. // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). — 2014. — № 3 (22). — С. 24–28.
3. Веселовский Б. Б. Исторический обзор деятельности земских учреждений С.-Петербургской (ныне Петроградской) губернии (1865–1915 гг.). — Пг. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1917. — 621 с.

4. Герасимов В. Питомец воспитательного дома. — Ростов н/Д : Электро-печатня А. И. Тер-Абрамиан, 1906. — 31 с.
5. Глезеров С. И. Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. — М. : Центрполиграф, 2006. — 441 с.
6. Гоняев А. Жизнь одного питомца воспитательного дома. — Псков : Электр. тип. «Псковский голос», 1911. — 23 с.
7. Гречинский В. П. Питомца в деревне. Жизнь несчастно-рожденных детей, отданных в воспитательные дома : комедия в 3 д. — СПб. : Паровая Скоропечатня «Надежда», 1897. — 55 с.
8. Действующие постановления по Императорскому С.-Петербургскому Воспитательному Дому. — СПб. : Изд. II и Пенсионной экспедиций Собственной е. и. вел. канцелярии по учреждениям имп. Марии, 1906. — 114 с.
9. Мордовцев Д. Л. Десятилетие русского земства. 1864–1875. — СПб. : Тип. А. А. Краевского, 1877. — 374 с.
10. Р-ев. Ильешский приход // Гдовско-Ямбургский листок. — 1872. № 28. — С. 6–9.
11. Скроботов Н. А. Положение питомцев С.-Петербургского Воспитательного дома в деревнях Петербургской губернии // Гдовско-Ямбургский листок. — 1872. — № 36. — С. 11–17 ; № 39. — С. 5–9.
12. Талдыкина С. М. Санкт-Петербургский Императорский Воспитательный дом и «питомнический промысел» в истории нашего края // Истоки : ист.-краевед. альм. — СПб. ; Яблоницы : Культурно-просветительское т-во, 2018. — Вып. 2 : Из истории Яблонницкой земли. — С. 94–117.
13. Фруменкова Т. Г. Воспитательный дом и финское население Петербурга и его окрестностей (первая половина XIX в.) // Вестник молодых ученых. Сер. «Исторические науки». — 2006. — № 4 (2). — С. 5–9.
14. Фруменкова Т. Г. Питомцы Петербургского воспитательного дома и их родители (первая половина XIX в.) // Вопросы истории. — 2009. — № 6. — С. 105–112.
15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 28, 117, 124, 283, 651.
16. Черказьянова И. В. «Питомнический промысел» в немецких колониях под Петербургом // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — 2017. — № 3. — С. 73–96.
17. Штат округов Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного дома и находящихся в них сельских лазаретов. — СПб. : [Б. и.], 1892. — 7 с.
18. Яблоков Н. В. Условия призрения детей в наших воспитательных домах (из дневника VI съезда русских врачей). — М. : Типо-лит. О. И. Лашкевич и К°, 1896. — 26 с.

References

1. Bondina S. I. The St. Petersburg and Moscow Orphanages Acts. The Families for Orphans Acts in the 19th Century. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)]. 2013, no. 4 (29), pp. 45–50. (In Russian).
2. Bondina S. I. Foster Families for Orphans from St. Petersburg and Moscow Orphanages in the 19th Century. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)]. 2014, no. 3 (22), pp. 24–28. (In Russian).
3. Veselovskij B. B. *Istoricheskij obzor dejatel'nosti zemskih uchrezhdenij S.-Peterburgskoj (nyne Petrogradskoj) gubernii (1865–1915 godov)* [A Historical Overview of the St. Petersburg Province (1865–1915)]. S. P. Jakovlev's Publishing House, 1917, 621 p. (In Russian).
4. Gerasimov V. *Pitomec vospitatel'nogo doma* [Orphanages and Orphans]. Rostov-on-Don, A. I. Ter-Abramian's Publishing House, 1906, 31 p. (In Russian).
5. Glezerov S. I. *Peterburgskie okrestnosti. Byt i nrawy nachala XX veka* [The Outskirts of St. Petersburg]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2006, 441 p. (In Russian).
6. Gonjaev A. *Zhizn' odnogo pitomca vospitatel'nogo doma* [An Orphan's Life]. Pskov, Pskov's Voice Publ., 1911, 23 p. (In Russian).
7. Grechinskij V. P. *Pitomica v derevne. Zhizn' neschastno-rozhdennyh detej, otdannyyh v vospitatel'nye doma* [Orphans in the Country. Orphans' Life]. St. Petersburg, Hope Publ., 1897, 55 p. (In Russian).
8. *Dejstvujushhie postanovlenija po Imperatorskomu Sankt-Peterburgskom Vospitatel'nomu Domu* [St. Petersburg Imperial Orphanage Act]. St. Petersburg, Office of the Institutions of Empress Maria Publ., 1906, 114 p. (In Russian).
9. Mordovcev D. L. *Desjatiletie russkogo zemstva. 1864–1875* [The Russian Zemstvo in 1864–1875]. St. Petersburg, A. A. Kraevsky Publ., 1877, 374 p. (In Russian).
10. Ilija Parish. *Gdovsko-Jamburgskij listok* [Gdovsk-Yamburg Leaflet]. 1872, no. 28, pp. 6–9. (In Russian).

11. Skrobotov N. A. Orphans of St. Petersburg Orphanage in Villages of the St. Petersburg Province. *Gdovsko-Yamburgskij listok* [Gdovsk-Yamburg Leaflet]. 1872, no. 36, pp. 11–17 ; no. 39, pp. 5–9. (In Russian).
12. Taldykina S. M. St. Petersburg Imperial Orphanage and the Foundling Trade in the History of St. Petersburg Province. *Istoki* [Sources]. St. Petersburg, Yablonitsy, Cultural Enlightenment Publ., 2018, iss. 2: From the History of Yablonitsa, pp. 94–117. (In Russian).
13. Frumenkova T. G. Orphanages and the Finns in St. Petersburg and its Outskirts (Early 19th Century). *Vestnik molodyh uchenyh. Serija "Istoricheskie nauki"* [Bulletin of Young Researchers. History series]. 2006, no. 4 (2), pp. 5–9. (In Russian).
14. Frumenkova T. G. Orphans from St. Petersburg Orphanage and their Parents (First Half of the 19th Century). *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2009, no. 6, pp. 105–112. (In Russian).
15. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 8, Op. 1, D. 28, 117, 124, 283, 651. (In Russian).
16. Cherkaz'janova I. V. The Foundling Trade in German Colonies in the St. Petersburg Province. *Ezhegodnik Mezhdunarodnoj associacii issledovatelej istorii i kul'tury rossijskih nemcev* [Almanac of the International Association of Research of Russian Germans' History and Culture]. 2017, no. 3, pp. 73–96. (In Russian).
17. *Shtat okrugov Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo Vospitatel'nogo doma i nahodjashhihsja v nih sel'skih lazaretov* [Headquarters of the Imperial St. Petersburg Orphanage and Rural Hospitals]. St. Petersburg, 1892, 7 p. (In Russian).
18. Jablovkov N. V. *Uslovija prizrenija detej v nashih vospitatel'nyh domah (iz dnevnika VI s#ezda russkih vrachej)* [Conditions in Orphanages (Memoirs of the 6th Congress of Russian Doctors)]. Moscow, O. I. Lashkevich Publ., 1896, 26 p. (In Russian).

Информация об авторах

Зайцева Светлана Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Сфера научных интересов: история семьи, история детства, история благотворительности, история повседневности.

Степанов Станислав Вячеславович — кандидат филологических наук, заведующий Научно-образовательным центром краеведческих исследований Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Сфера научных интересов: история северо-запада России.

Information about the authors

Zaytseva Svetlana Valentinovna — Candidate of History, Associate Professor at Leningrad State University named for A. S. Pushkin.

Research interests: family history, history of childhood, history of charity, history of everyday life.

Stepanov Stanislav Vyacheslavovich — Candidate of Philology, Head of the Research Centre for Local History Research at Leningrad State University named for A. S. Pushkin.

Research interests: history of north-western Russia.

Статья поступила в редакцию 29.05.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 29.05.2022; accepted for publication 01.10.2022.